

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

На диссертационную работу Елены Львовны Скворцовой «Культурная традиция и философско-эстетическая мысль в Японии XX века», представленную на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.04 – эстетика.

Работа Е. Л. Скворцовой является первым в нашей стране философско-эстетическим исследованием, посвящённым японской эстетике XX в. В ней анализируются оригинальные японские источники: книги и статьи японских авторов, современных учёных-эстетиков, занимающихся выработкой самостоятельных концепций эстетического знания. **Актуальность темы диссертации не вызывает никаких сомнений** – проблема взаимодействия восточной, особенно дальневосточной, и западной ветвей мировой эстетической мысли до сих пор не решена из-за европоцентристских настроений, присущих большинству профессиональных теоретиков, которые занимаются нынешним развитием эстетической науки. Между тем, сегодняшний мир, как справедливо замечает Е. Скворцова, резко сузился благодаря интернету и появлению общего виртуального пространства, вступил в эпоху глобализации, и необходимость выработки «общемировых» эстетических теорий востребована, как никогда. В условиях глобализации, нарастающей межконфессиональной и межкультурной конфликтности, восточные учения, уделяющее большое место смысло-жизненной проблематике, становятся предметом всё возрастающего интереса философского сообщества.

Новизна темы диссертации Е.Л. Скворцовой очевидна: в ней анализируются работы японских авторов, крупных философов-эстетиков XX в., которые совершенно не известны не только нашему философско-эстетическому сообществу, но и, полагаю, узкому кругу японистов, тогда как эстетика – это ведущая и имеющая давнюю традицию философская дисциплина в Японии. Автор – единственный человек в науке РФ, поднявший тему японской эстетической мысли прошлого века, тему,

бывшую «белым пятном» в истории мировой эстетики, известной в России. Е. Скворцовой принадлежит первенство в издании в 1996 г. монографии «Современная японская эстетика. Философские очерки». Выход в свет следующей монографии, посвящённой данной теме, и написанной американским эстетиком Микеле Марра («Modern Japanese Aesthetics. A Reader»), состоялся в США спустя три года, лишь в 1999 г. В работе мы видим разные позиции современных эстетиков: от безоговорочного поворота к алгоритмическому творчеству (Кавано Хироси, гл.6) до полного его неприятия (Нитта Хироэ, гл.7); от оценки традиционного средневекового искусства чайного ритуала как «квазиискусства» (Кобата Дзюндзо, гл.4) до заявки на создание «Калонологии» - эстетики будущего (Имамита Томонобу, гл.8).

Достоверность положений и выводов исследования подтверждена многочисленными публикациями по теме в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК (23 статьи), а также участием в конференциях с докладами по теме исследования с последующей их публикацией. Автор в течение 30 лет занимается изучением работ японских эстетиков XX века, с некоторыми из которых была знакома лично (Имамита Томонобу, Нитта Хироэ, Сасаки Кэнъити).

В диссертации рассматривается проблема жизни традиции в эстетической мысли Японии XX века. Тема традиции, канона – одна из широко дискутируемых в философско-эстетической, искусствоведческой и культурологической литературе в связи с утратой современным искусством общих аксиологических оснований: искусство оказалось оторванным от «надличного целого», эстетической формой связи с которым и был канон. Е.ЛД. Скворцова отмечает осознанное стремление японской культуры сохранить традиционные формы искусства, зачастую становящиеся символами культурной идентичности. Но автор видит особенность японского традиционализма не только в том, что он фиксирует внимание на вещественных канонических формах (например, театральные реквизиты,

сценическая одежда, музыкальные формы и инструменты, маски, жёсткие правила стихосложения в поэзии и проч.), но и на той составляющей традиции, которую японцы называют «бесформенной» («пустотной»). Для понимания того, как сами японцы трактовали «бесформенную составляющую» культуры, Е.Л. Скворцова обращается к текстам трактатов средневековых мастеров традиционного искусства (гл.1). Последние постулируют главенствующую роль динамической, «бесформенной» составляющей художественной культуры и любого профессионального мастерства. Эта динамика постигается человеком, отмечает автор, холистически, всей его телесно-ментальной организацией. Начало такого понимания природы творчества – как «встраивания» индивидуума всем своим телесно-ментальным существом в мировой континуум («калибровка», согласно кибернетической философии Г. Бейтсона) – можно обнаружить ещё у древнекитайского даоса Чжуан-цзы (IV в. до н. э.). Автор диссертации аргументированно соотнёс идеи российских (Л. Г. Пугачёва, В. С. Семенцов) и зарубежных (М. Мерло-Понти, М. Полани,) философов-эпистемологов, акцентировавших внимание на динамическом, воплощённом измерении разума, с дальневосточной художественной традицией, всегда рассматривавшей человека как *воплощённый разум*, а творчество – как процесс и результат действий такого разума на протяжении всей истории японской эстетики. В XX в. японские эстетики, например, подвергли критике компьютерное алгоритмическое искусство, где в качестве художника выступает программист, а в качестве произведения искусства – алгоритм в памяти компьютера именно с позиций «встроенности» человеческого существа с его соматикой в мировой континуум (гл. 6-7).

Автор диссертации выделил два подхода к японскому традиционному искусству и имплицитной эстетике в философской мысли довоенной Японии (гл.2). Первый – «дедуктивный» подход Нисиды Китаро, крупнейшего национального мыслителя, основателя «киотской академической философии», который пытался вывести феноменологию культурной и

художественной жизни из единого источника: диалектики саморазвития большого Я мира, имеющего «бесформенную», «пустотную» основу. В данном подходе, справедливо констатирует Е.Л. Скворцова, теряется специфика национальных культурных форм. Второй подход, «индуктивный», предложил токийский философ Ониси Ёсинори. Он проследил и вычленил в истории японской средневековой имплицитной эстетики конкретные категории и понятия, описывающие художественный и эстетический опыт, и попытался понять логику развития японской эстетической мысли на основании систематизации этих понятий.

Подвергнув обзорному теоретическому анализу идеи японских эстетиков второй половины XX века, автор сумел остановиться и сосредоточиться на подробном рассмотрении наиболее ярких и репрезентативных концепциях, касающихся жизни традиции в современных условиях, представленных именами таких учёных, как Накамура Юдзи (гл.3), Идзире Масуро (гл.5), Кобата Дзюндзо (гл.4), Кавано Хироси (гл.6), Нитта Хироэ (гл.7) и Имамита Томонобу (гл.8).

Результаты, полученные в ходе написания диссертации Е. Скворцовой, обладают **несомненной практической значимостью**. Во-первых, вся диссертационная работа опубликована в виде научных статей в ведущих рецензируемых изданиях РФ и поэтому стала доступной отечественным учёным-эстетикам и всем, интересующимся проблемами эстетического развития современной Японии. Во-вторых, в процессе написания диссертации автор сумел заложить основу соответствующего спецкурса, который был успешно прочитан в МГУ им. М. В. Ломоносова и в РГГУ. Он позволил значительно расширить корпус научного знания, ставшего доступным студентам и аспирантам этих ВУЗов.

Несмотря на то обстоятельство, что работа Е. Скворцовой в целом производит весьма благоприятное впечатление, у меня имеется ряд небольших замечаний, которые я бы рекомендовал учесть диссертантке. Автор заявил о принципиальной ограниченности своего исследования: оно

касается, прежде всего, тех персоналий, которые в той или иной степени используют традиционный дискурс, традиционную терминологию. В этой связи хотелось бы увидеть в исследовании более полный анализ работ по западной эстетике. Далее. Е.Л. Скворцова привлекает теоретическое эссе Танидзаки Дзюнъитиро «Похвала тени» для обоснования специфики синтеза в традиционных видах средневекового искусства (гл.4), а также тексты Мисимы Юкио для демонстрации «смятенного сознания» в условиях послевоенного ценностного кризиса (гл.2). Можно было бы несколько расширить список привлекаемых к теме эстетической традиции работ по литературной эстетике, напр. , Акутагава Рюноскэ или Кавабата Ясунари, но это – пожелания на будущее.

Говоря о довоенной эстетике Японии, следовало бы более подробно остановиться на особенностях пропаганды национализма и милитаризма, она тоже наверняка была эстетически оформлена и эмоционально эффективна. Не случайно лётчики-камикадзе сравнивали свою жизнь с недолговечным цветком сакуры. Роль эстетического «посыла» в пропаганде нацизма в Германии 30-40-х гг. была значительна. Думается, что и в Японии эстетизация смерти имела свою давнюю традицию и была преднамеренно актуализирована милитаристскими кругами этой страны в условиях надвигающегося поражения. Данной проблеме, как мне кажется, можно было бы уделить особое внимание.

В заключение отмечу, что, несмотря на упомянутые недочёты, диссертация новаторская, выполнена на высоком теоретическом уровне и заслуживает высокой оценки. Структура и содержание автореферата достоверно отражают содержание диссертационного исследования.

В целом можно сделать вывод, что диссертация Е. Л. Скворцовой «Культурная традиция и философско-эстетическая мысль в Японии XX века» отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24. 09. 2013 № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а также Паспорту

Номенклатуры специальностей научных работников: 09.00.04 – эстетика (философские науки), а её автор заслуживает присуждения ему учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.04 – эстетика.

доктор философских наук,
профессор НИУ-ВШЭ

В.К. Кантор

1 сентября 2014 г.

Держать за верёвку

3 заместитель начальника
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

М.В. ДЫБЦЫ

